Т. А. Носова

Опыт деятельности православных братств Вологодской епархии в конце XIX — начале XX века

В статье анализируется деятельность православных братств Вологодской епархии в конце XIX — начале XX в. Автор предлагает классификацию православных братств, описывает епархиальные и приходские братства и братство при духовном училище, дает информацию об их составе, органах самоуправления, финансовых средствах. Выделяются четыре основных направления их деятельности: религиозно-просветительская, миссионерская, благотворительная и церковно-устроительная. При этом отмечается сильная зависимость от государства, недостаточность свободы и одновременно вклад в изучение старообрядчества, развитие православной культуры, просвещения и благотворительности на территории епархии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: православные братства, Вологодская епархия, приходские братства, епархиальные братства, религиозные организации, миссионерская деятельность, церковная благотворительность.

Православные братства пореформенной России возникли в рамках церковных преобразований эпохи Великих реформ. Они представляли собой один из этапов эволюции братств, существовавших на Руси с древних времен. Их возрождение в XIX в. было непосредственно связано с отменой крепостного права и последующими реформами.

На территории украинских и белорусских земель деятельность братств возобновилась с начала 1860-х гг. Официально эти организации были узаконены 8 мая 1864 г. с принятием положения «О правилах для учреждения православных церковных братств» [*О правилах*]. С этого момента братское движение распространилось на территорию центральной России.

На Европейском Севере реформы проходили в более поздние сроки. Позже, чем в центре страны, здесь появились и православные братства. Автору удалось выявить 10 православных братств

на территории Вологодской епархии в конце XIX — начале XX в., однако источники сохранили информацию об активной деятельности лишь восьми из них. Согласно нескольким критериям (главные из них: территория распространения и состав организации), данные братские сообщества можно разделить на епархиальные, приходские братства и братство при учебном заведении. К епархиальным относились Вологодское братство во имя Всемилостивого Спаса и Великоустюгское Стефано-Прокопьевское братство. В качестве отделения Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса в Тотемском уезде функционировало Кокшенгское Федосеевское братство. По духу и формам работы оно занимало промежуточное положение между приходскими братствами и отделением епархиального братства. Приходскими православными братствами являлись Иоанно-Предтеченское и Благовещенское братства в Вологде, Деревянское Христорождественское в Усть-Сысольском уезде и Христорождественское братство в г. Грязовце. На территории епархии существовало также Александро-Невское братство при Никольском духовном училище (см. табл. 1).

Братство во имя Всемилостивого Спаса вначале действовало на всей территории Вологодской губернии, затем в пределах пяти юго-западных уездов. Стефано-Прокопьевское братство распространяло свое влияние на пять северо-восточных уездов Вологодской губернии: Великоустюгский, Сольвычегодский, Никольский, Яренский, Усть-Сысольский. Приходские братства действовали главным образом на территории своих приходов, Александро-Невское братство — в пределах Никольского духовного училища.

Епархиальные братства возглавляли правящие архиереи, приходские — местные священники. Следовательно, наибольшее влияние глава епархии имел на Вологодское братство во имя Всемилостивого Спаса. Непосредственный и вместе с тем всесторонний контроль над деятельностью епархиального Стефано-Прокопьевского братства осуществлял викарий Великоустюгский. В целом епархиальные преосвященные поддерживали братские организации, поскольку их эффективная деятельность способствовала продвижению архиереев по карьерной лестнице и укреплению в епархии православной веры. Приходские братства также находились под контролем главы епархии, но вмешательство с его стороны в их дела, как правило, было малозаметным. Кроме этого, Братство при Никольском духовном училище контролировалось Министерством внутренних дел.

Таблица 1. Сведения о православных братствах Вологодской епархии конца XIX — начала XX в. [1]

№	Названия братств	Год и место основания	Сфера деятельности (по уставу)
Епархиальные братства			
1.	Всемилостивого Спаса	1885, г. Вологда	1. Религиозно-просветительская 2. Миссионерская
2.	Стефано-Прокопьевское	1896, г. Великий Устюг	1. Миссионерская 2. Религиозно-просветительская
Приходские братства			
1.	Иоанно-Предтеченское	1894, г. Вологда	Благотворительная
2.	Деревянское Христорождественское	1895, с. Деревянск Усть-Сысольского уезда	Благотворительная
3.	Благовещенское	1896, г. Вологда	Благотворительная
4.	Богородице-рождественское	1906, с. Заячерицкое Вельского уезда	1.Религиозно-просветительская 2. Благотворительная
5.	Грязовецкое Христорождественское	1909, г. Грязовец	1. Миссионерская 2. Религиозно-нравственная 3. Благотворительная
6.	Свято-Троицкое	1909, с. Троицко-Шуйское Тотемского уезда	Благотворительная
Братство при Никольском духовном училище			
1.	Александро-Невское	1904, г. Никольск	1. Благотворительная 2. Церковно-устроительная
Отделение братства Всемилостивого Спаса			
1.	Кокшенгское Федосеевское	1904, с. Кокшенга Тотемского уезда	1. Миссионерская 2. Религиозно-просветительская

1. Источники: Открытие приходского братства при Вологодской градской Иоанно-Предтеченской Рощенской церкви // ВЕВ. 1894. № 11. Прибавления. С. 164; Открытие Деревянского Христорождественского братства и освящение братской богадельни в с. Деревянске Усть-Сысольского уезда // ВЕВ. 1896. № 2. С. 25–26; Открытие братства при Благовещенской церкви Вологды // ВЕВ. 1896. № 21. Прибавления. С. 360–366; Заячерицкое Богородицерождественское приходское братство // ВЕВ. 1907. № 18. Прибавления. С. 399–403; Открытие Кокшенгского Федосеевского миссионерского братства // ВЕВ. 1904. № 22. Прибавления. С. 592–594; Журналы миссионерского собрания духовенства раскольнических приходов, бывшего в Грязовце об открытии приходского братства и миссионерского фонда // ГА ВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18845. Л. 4, 11–13; Годовые отчеты богаделен, обществ помощи нуждающимся ученикам, благотворительных обществ и другие за 1903 год // ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3861. Л. 140–145; Об организации православного церковного братства, 1885 год // ГА ВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15861. Л. 1–27; Прошение церковнослужителей об утверждении устава братства при Прокопьевском соборе ввиду усиления раскола, 1896 год // ГА ВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16883. Л. 2–13.

Православные братства конца XIX — начала XX в. сохранили не все, но большинство признаков древних братских организаций. Прежде всего, каждое братство действовало на основании собственного устава, имело братскую икону (древние братства, как правило, братский храм или придел), синодик, именовали своих членов братчиками, чтили традиции[2]. Из них наиболее распространена была следующая: во время братского собрания все стояли с зажженными свечами. Некоторые братства вводили свой братский праздник. Так, братство Всемилостивого Спаса почитало Лукин день (18 октября), Грязовецкое Христорождественское — праздник Федоровской иконы Божьей матери.

Главным условием для вступления в братства было православное исповедание. Пол, сословие, материальное состояние не имели значения. Православные братства преимущественно состояли из мужчин духовного сословия. Женщины участвовали в работе всех таких братств Вологодской епархии, но их было значительно меньше, чем мужчин. Представители светских сословий в наибольшей степени были представлены в Иоанно-Предтеченском приходском братстве Вологды. Напротив, почти исключительно из духовенства состояло Кокшенгское Федосеевское братство. В епархиальных братствах — Всемилостивого Спаса и Стефано-Прокопьевском преобладали лица духовного сословия, но наравне с ними участвовали в работе дворяне, купцы, мещане, крестьяне, а также чиновники и разночинцы. Во всех братствах состояли люди разного материального достатка, выделялось несколько групп братчиков: почетные, пожизненные, действительные члены и члены-соревнователи. Не во всех братствах списки членов велись регулярно. Выделяется Великоустюгское Стефано-Прокопьевское братство, списки которого обновлялись ежегодно [*ВУЦА. Д. 11*].

Почетными членами могли стать авторитетные светские и духовные лица, которые по своему служебному положению имели возможность содействовать братству в достижении целей, например, правящие архиереи, настоятели крупнейших монастырей епархии, представители высшей светской власти. В обязательном порядке становились почетными членами лица, сделавшие

2. На основании изучения отчетов и других документов братств за несколько лет; см. также: [*Носова*].

единовременное пожертвование не менее 100 руб. (в Кокшенгское братство — не менее 50 руб.). Также удостаивались этого звания ревностно служившие на пользу братства или оказавшие ему особую услугу [*Вторая годовщина, 224*; *Устав Благовещенского братства, 367*].

В Иоанно-Предтеченском и Благовещенском братствах за значительный вклад (100 руб. и более) присваивался титул пожизненного члена, а в почетные члены избирались люди за выдающиеся заслуги независимо от вложенной суммы. В этих приходских братствах было немало пожизненных членов — до трети от общего числа братчиков. Существовало звание пожизненного члена и в епархиальных братствах — для желающих заменить ежегодные взносы единовременным. В частности, при взносе в кассу Стефано-Прокопьевского братства 40 руб. действительного члена и 10 руб. члена-соревнователя они становились пожизненными членами, и уже в первый год существования братства (1896) этой возможностью воспользовались 17 человек. В основном это были представители купечества: Ноготковы, Чебаевские, Охлопковы и некоторые другие. Пожизненных членов-соревнователей в этом братстве не зафиксировано [*ВУЦА. Д. 11*].

Среди почетных членов православных братств Вологодской епархии были яркие личности, уважаемые и известные по всей России. Например, о. Иоанн Кронштадтский стал почетным членом как минимум трех рассматриваемых братств (двух епархиальных и приходского Иоанно-Предтеченского). Первым почетным членом братства Всемилостивого Спаса был избран К. П. Победоносцев (1885), Стефано-Прокопьевского — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (1896), «оказавший внимание присылкою святой иконы Христа Спасителя» [*ВУЦА. Д. 1, 37*].

Участие митрополита в судьбе одного из многочисленных российских братств было неслучайным. В 1869–1873 гг. вл. Палладий (Павел Иванович Раев) возглавлял Вологодскую епархию и, как отмечали современники, «проявлял отеческую заботливость о пасомых» [*Памяти, 54*]. Среди почетных членов Александро-Невского братства следует упомянуть ординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского. Он был выпускником Никольского духовного училища и поддерживал братство в память о годах учебы [*Отчет о суммах 1908, 184*].

Особо ревностные братчики становились почетными членами нескольких братств епархии одновременно. Так, вологодский нотариус дворянин А. Попов был активным благотворителем и участником Иоанно-Предтеченского братства и состоял в братстве Всемилостивого Спаса. Историк И. Н. Суворов, редактор Вологодских епархиальных ведомостей, состоявший в братстве Всемилостивого Спаса, в 1904 г. был избран почетным членом Иоанно-Предтеченского братства. К. А. Богословский, преподаватель духовных учебных заведений, на протяжении нескольких лет работал в совете братства во имя Всемилостивого Спаса, с 1912 по 1918 гг. занимал должность председателя Совета Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства, стоял у истоков создания церковного древнехранилища в Великом Устюге, возглавлял Комитет по заведыванию древнехранилищем [*Козлов, 238*]. Почетный член Грязовецкого и Иоанно-Предтеченского братств полковник В. Мироносицкий был пожизненным членом братства Всемилостивого Спаса. Безусловно, относительно общего числа братчиков почетных членов было немного: самое большое — 20 человек (что равнялось 19,6 %) в братстве Всемилостивого Спаса в 1904 г. [*Отчет Вологодского братства 1903–1904, 398*]. Тем не менее институт почетного членства был важен для повышения авторитета братств в обществе.

Основу братских организаций составляли действительные члены — более 50 % от общего числа братчиков. Представители данной категории участвовали в голосовании на собраниях, избирали и имели право избираться в совет братства, в большинстве братств Вологодской епархии их взнос составлял три рубля. На рубль меньше был взнос действительных членов Кокшенгского и Грязовецкого братств [*Открытие, 592; Отчет, 113*].

Статус члена-соревнователя, который присутствовал почти во всех братствах, не имел четкого определения. Как правило, члены-соревнователи ежегодно вносили один рубль, не обязывались они к этому только в Вологодском братстве Всемилостивого Спаса [*Устав Вологодского братства 1896, 104*]. В уставах Иоанно-Предтеченского, Благовещенского и Деревянского братств не упоминается такой тип членства, в то же время отчеты этих братств свидетельствуют о наличии членов-соревнователей. Судя по документам, к данной категории братчиков в Иоанно-Предтеченском и Благовещенском братствах причислялись люди, взнос которых был менее трех рублей. В Грязовецком

Богословский Константин Александрович, священник, председатель Совета Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства в 1912–1918 годах

Христорождественском братстве члены-соревнователи назывались попечителями [*Отчет, 113*; *Из Грязовца, 265*].

Все братства принимали пожертвования не только деньгами, но и вещами, предметами, знаниями и трудом. Если для епархиальных братств особую ценность представляли книги и письменные принадлежности, то для приходских братств не менее актуальны были дары продуктами, одеждой и обувью. В любом случае, дар переводился в денежную сумму, сообразно которой дарителю присваивалось звание. Интересно, что учительница церковно-приходской школы Долговицкого прихода Мария Сибирцева в 1907 г. была зачислена в члены-соревнователи Кокшенгского православного братства за помощь в проведении внебогослужебных собеседований [*Отчет Кокшенгского братства 1907–1908*]. Кроме того, в 1908 г. членами-соревнователя-

ми стали два крестьянина, как лица, «ознакомленные с расколом и способные утверждать в православии» [*Отчет Кокшенгского братства 1907–1908, 543*].

В 1885–1916 гг. данная категория братчиков составляла в среднем около 30 %, ситуация отличалась в Стефано-Прокопьевском и Александро-Невском братствах. В первом из них действительных членов было от 28,4 до 41,9 %, а членов-соревнователей более половины — за счет крестьян, которых привлекала просветительская деятельность братской организации (1899–1915). В Александро-Невском братстве в 1904–1914 гг. соревнователей тоже было стабильно больше, чем действительных членов. Напротив, в Иоанно-Предтеченском братстве в 1898–1913 гг. число соревнователей было самым низким по Вологодской епархии — примерно 10 %[3].

В Грязовецком Христорождественском братстве так называемые попечители исполняли роль помощников совета братства в каждом населенном пункте прихода. Такого попечителя избирало население деревни, должность считалась почетной, от братства ему выдавалось свидетельство с приложением соборной печати. Попечители были обязаны сообщать совету обо всех «религиозных изменениях» в своем окружении. В их домах, как правило, останавливались протоиерей и священники Грязовецкого собора, приезжавшие для бесед с крестьянами. Попечители так же хранили кружки для сбора пожертвований в пользу братства. Сбор пожертвований происходил в домах прихожан в воскресные и праздничные дни. К 1916 г. в составе этого братства насчитывалось 18 попечителей [*Из Грязовца, 265*].

В ходе работы Иоанно-Предтеченского приходского братства было решено избирать в члены совета «попечителя или попечительницу призреваемых» [*Семилетие, 344*]. В его обязанности входило посещение лиц, которым братство оказывало помощь. С одной стороны, так проявлялась забота о ближнем, с другой, попечитель предоставлял информацию совету об использовании братской помощи, на основании чего решался вопрос о целесообразности дальнейшей поддержки призреваемого. Первой попечительницей Иоанно-Предтеченского приходского братства стала в 1901 г. врач М. П. Литова-Дроздова. Мария Павловна принимала деятельное участие в работе братства с момента его организации и добросовестно исполняла обязанности попечителя

3. См. отчеты братств.

в течение шести лет — до 1907 г. После нее на этом поприще трудилась Нина Константиновна Попова, а в 1912–1913 гг. супруга председателя Иоанно-Предтеченского братства (свящ. Владимира Смирнова) Вера Кирилловна Яблонская [*Отчет Иоанно-Предтеченского братства, 392*].

Численный состав православных братств был достаточно стабильным. Исключение в данном случае представляет Вологодское епархиальное братство, в котором в 1886 г. насчитывалось 239 членов, в 1898 г. — 121, а в 1906 г. — 76. Вскоре число членов резко увеличилось, примерно в три раза (1907 г. — 216), потом вновь сократилось. В 1914 г. в братстве во имя Всемилостивого Спаса было 89 человек. Приведенные цифры свидетельствуют о существенных колебаниях в численном составе братства на протяжении 1896–1914 гг., что было вызвано как внутренними так и внешними причинами [*Отчеты Вологодского братства*].

Стефано-Прокопьевское епархиальное братство на всем протяжении существования по числу членов превосходило братство Всемилостивого Спаса — прежде всего из-за того, что оно заведовало церковно-приходскими школами. Поэтому практически все люди, профессионально связанные с церковно-приходскими школами, являлись членами Стефано-Прокопьевского братства, и его максимальная численность в 1897 г. достигла 554 человека [*ВУЦА. Д. 11*] [4].

Крупнейшее среди приходских братств Вологодской епархии — Иоанно-Предтеченское — в 1898–1906 гг. насчитывало от 139 до 174 членов. Максимальная численность Благовещенского братства зафиксирована в 1915 г., когда в него входило 115 человек [*Отчет приходского братства 1914–1915, 514*]. Но следует принять во внимание, что в этих братствах в пожизненные члены включались все крупные жертвователи, даже те, которых уже не было в живых. Поэтому их реальная численность была немного меньше. Для приходских братств Вологодской епархии была характерна более стабильная ситуация с составом, чем для епархиальных братств. Несмотря на колебания численности, ярко выраженной тенденции сокращения членов к 1914–1916 гг. здесь не прослеживается. Напротив, как упоминалось, в Благовещенском, Александро-Невском и Грязовецком братствах численность в эти годы была максимальной [*Отчет приходского братства 1914–1915, 514*; *Из Грязовца, 265*; *Отчет о сум-*

4. См. также отчеты братства.

мах 1914, 334; *Отчет приходского братства 1915–1916, 410*]. Это можно объяснить распространением благотворительной деятельности, подкрепляемой призывами священников о необходимости помощи нуждающимся, что привлекало прихожан в приходские братства в трудные военные годы. В целом братства Вологодской епархии насчитывали в своих рядах от 11 (Деревянское Христорождественское братство, 1903 г.) до 554 человек (Стефано-Прокопьевское братство, 1897 г.) [*ГА ВО. Д. 3861. Л. 187*; *ВУЦА. Д. 11*].

Каждое братство имело свои органы самоуправления, которые состояли из общих собраний и советов братств. Общие собрания выносили решения по главнейшим вопросам в жизни братств, проверяли расходы организаций за отчетный год, финансовое состояние общества, составляли смету расходов на год, избирали почетных членов братств и выборных членов совета.

Советы братств выполняли текущую работу. Порядок их формирования отмечался в уставах братств. Обычно часть совета назначалась, другая избиралась. В связи с тем, что члены советов братств исполняли обязанности безвозмездно, они собирались на заседания в свободное от основной работы время. В большинстве случаев это были энтузиасты, люди, искренне верившие в несомненную пользу деятельности православных братств. В епархиальных братствах были большие по числу советы — 16 человек в Вологодском братстве во имя Всемилостивого Спаса, 12 — в Стефано-Прокопьевском, в приходских — от пяти до восьми человек[5].

Средства православных братств собирались из разных источников. Общими видами дохода для всех братских обществ являлись членские взносы, частные пожертвования, кружечные сборы, сборы по подписным листам и книжкам, проценты с братских капиталов. Некоторые братства имели дополнительные статьи дохода. Так, Деревянское и Стефано-Прокопьевское братства пользовались пособиями земств. Кроме того, Стефано-Прокопьевскому братству отпускал средства училищный совет при Святейшем синоде и Великоустюгский свечной завод. Значительные субсидии поступали Вологодскому братству во имя Всемилостивого Спаса от губернского комитета попечительства о народной трезвости. Братские организации, имевшие недвижимое имущество, получали доход с аренды помещений [*Журнал*

5. См. отчеты братств.

съезда депутатов, 119; *Отчет приходского братства 1905–1906, 781–782*]. Расходы православные братства епархии производили соответственно намеченным целям и задачам.

Братства Вологодской епархии действовали в пределах традиционных для православных братств сфер: религиозно-просветительской, миссионерской, благотворительной и церковно-устроительной. Специфика жизни православных братств Вологодской епархии этого времени — тесное переплетение миссионерской деятельности с религиозно-просветительской и церковно-устроительной.

Многоплановой была религиозно-просветительская деятельность братств, при этом у епархиальных — Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса и Великоустюгского Стефано-Прокопьевского — она была одной из ведущих.

Местные священники проводили внебогослужебные собеседования в выходные и праздничные дни после утреннего или вечернего богослужения. Они были призваны «отвлечь народ от праздного времяпрепровождения», утвердить в «благоговейном посещении храма» и повысить «нравственное состояние прихожан» [*Журнал, 284–286*]. Местом для бесед служили приходские храмы, реже — сторожки, церковные паперти и другие церковные помещения. До 1890 г. совет Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса собирал данные о том, при каких церквях собеседования уже вошли в практику, как часто они проводятся и на какие темы. Далее был установлен порядок отчетности: благочинные советы обязаны были доставлять сведения о беседах Вологодскому братству сначала трижды в год (в январе, мае, сентябре), позже по полугодиям и с 1914 г. ограничились ежегодными отчетами [*Отчет Вологодского братства 1914–1915, 335*]. На основании этих отчетов совет братства вырабатывал меры по улучшению мероприятий. Собеседования носили назидательный характер, их значение совет видел в живом общении между пастырем и паствой.

Для проведения собеседований совет Вологодского епархиального братства рекомендовал использовать сборники «Внебогослужебные беседы», изданные Санкт-Петербургским братством Пресвятой Богородицы, «Четьи-Минеи» Дмитрия Ростовского, «Троицкие листки» и жития святых. Часть литературы братство рассылало по церквям бесплатно, часть — по льготной цене. Собеседования старались вести торжественно, обязательно сопровождали пением молитв, в качестве иллюстраций использовали

церковные предметы. Все это делалось с целью привлечения большего числа слушателей. Наиболее часто священники объясняли молитвы, заповеди и евангелие. Они говорили об устройстве храма и его принадлежностях, излагали события священной истории. Много внимания уделялось осуждению распространенных пороков: пьянства, сквернословия, «буйного поведения» [*Журнал, 284–286*]. Анализ отчетов показывает, что темы бесед чаще всего зависели от интересов и знаний священников. Особо ревностные из них пытались знакомить прихожан с историческими событиями региона и страны, давать практические полезные сведения.

В отчете совета братства во имя Всемилостивого Спаса за 1890–1891 гг. [*Отчет совета, 184*] отмечаются неординарные старания священника Спасо-Угольской церкви Вологодского уезда М. Образцова. Во время бесед он обращал внимание слушателей на важные события прихода, а также регионального и даже государственного масштаба (900-летие крещения Руси, деятельность института земских начальников и др.). В приходах, населенных раскольниками, обсуждались разногласия по вопросам веры. В Усть-Сысольском и Яренском уездах нередко беседы велись на зырянском языке, отмечалось усердие священника Деревянской Христорождественской церкви Д. Попова. Особенно любил народ слушать поучение о жизни и подвигах св. Стефана Пермского.

После того как был определен в целом порядок ведения бесед в сельских районах, председатель совета Вологодского епархиального братства во имя Всемилостивого Спаса В. Карпов составил программу собеседований при Вологодском Спасовсеградском соборе, которая включала в себя полное изложение истин христианского вероучения и нравоучения. Она выполнялась в течение четырех лет [*Отчет Вологодского братства 1900–1901, 361*].

Внебогослужебные собеседования носили культурно-просветительский характер. Они стали своеобразной формой проведения досуга для населения. Безусловно, большее значение они имели в сельской местности, удаленной от уездных и губернских центров, где альтернатив проведения свободного времени было не так много. Под контролем братства во имя Всемилостивого Спаса собеседования приняли организованный, системный, познавательный характер. Несмотря на приоритет религиозной составляющей, они в большинстве своем несли элементы просвещения. Священникам доверяли, местное население, за исключением старообрядцев, активно посещало собеседования.

Попов Дмитрий Яковлевич, священник, председатель Деревянского Христорождественского братства

Большинство священников отмечали положительное воздействие внебогослужебных собеседований на повседневную жизнь прихожан. Они констатировали увеличение числа людей на исповеди, отмечали религиозную сосредоточенность и покаянную настроенность прихожан [*Отчет Стефано-Прокопьевского братства 1902–1903, 55*]. Тем не менее трудно судить о полном достижении целей, которые ставили перед собой совет епархиального братства и пастыри. Во-первых, довольно ограничена возможность влияния на группы людей с помощью бесед, обычно положительный результат был кратковременен. Во-вторых, политическая ситуация начала XX в. создавала неблагоприятную почву для данного направления деятельности. В-третьих, стремясь получить одобрение совета братства, благочинные в своих

отчетах старались показать деятельность пастырей вверенного округа с наилучшей стороны. В связи с этим вряд ли возможно объективно оценить эффективность внебогослужебных собеседований, разве что их влияние на отдельных людей было сильнее, чем на общество в целом.

В день памяти Серафима Саровского 2 января 1904 г. состоялось открытие бесплатной публичной братской библиотеки. Временное помещение для нее нашли в доме епархиального свечного комитета, а после того, как у братства появился собственный дом, библиотека обосновалась в нем. Первоначально в каталог было внесено 595 названий книг. Большую часть из них составляли печатные издания, необходимые миссионерам. До того они находились в доме епархиального миссионера и составляли «миссионерскую библиотеку» братства. Часть новых книг приобрели на средства братства, другая была пожертвована [*Общее собрание, 195*].

Книги поступали из Духовной консистории, от духовных и светских лиц. На всем протяжении существования библиотеки ее фонды постоянно пополнял И. Н. Суворов. Он же, как редактор Вологодских епархиальных ведомостей, поставлял в библиотеку большую часть журналов и газет [*Отчет Вологодского братства 1909–1910, 59*]. По замыслу братчиков, библиотека должна была удовлетворять интересы прежде всего образованных лиц духовного сословия. Поэтому средний набор книг народных библиотек в данном случае признавался явно недостаточным. Наряду с брошюрами религиозно-нравственного характера невысокого уровня, братская библиотека пополнялась богословскими, историческими, литературными трудами. В числе последних полное собрание сочинений В. С. Соловьева, А. С. Хомякова, Н. В. Гоголя, «История государства Российского» Н. Карамзина, фундаментальные труды по истории Русской православной церкви митрополита Макария (Булгакова) и Е. Голубинского, произведения А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского. Помимо религиозных изданий, библиотека выписывала журналы «Прогрессивное садоводство и огородничество», «Исторический Вестник», «Народное образование». Все поступления заносились в инвентарный, алфавитный и систематический каталоги.

Библиотека-читальня действовала в понедельник, среду, пятницу и воскресенье с 10.00 до 12.30. Удостоверения при посещении библиотеки не требовалось. Все книги и журналы можно было взять на дом: членам братства без залога, лицам, не состо-

явшим в братстве, каждый экземпляр с залогом не менее 1 рубля, обычно сроком на один месяц, представителям сельского духовенства до 3-х месяцев, за исключением новых журналов (они только на одну неделю). Заведующий библиотекой отмечал, что читатели больше интересуются журналами, чем газетами. В среднем в день библиотеку посещало от пяти (в будни) до тридцати человек (в воскресенье).

В 1909–1910 гг. библиотека насчитывала 49 постоянных читателей. Примерно треть (31 %) всех посещений читальни приходилась на учащихся духовных заведений: Вологодской семинарии и Епархиального женского училища. Представители духовного сословия составляли 22 %, чиновники — 20 %, крестьян и мещан среди читателей братской библиотеки было 26 % [*Отчет Вологодского братства 1909–1910, 59–60*].

Устройство публичной библиотеки, приобретение братского дома ускорили введение братством публичных религиозно-нравственных чтений в Вологде. Необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX в. публичные чтения получили широкое распространение. Как отмечалось в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «публичные чтения являлись одним из главнейших способов внешкольного образования, распространяя общеобразовательные, профессиональные или прикладные знания, доставляя слушателям различные формы эстетического наслаждения» [*Словарь,595*]. Как и в других губернских центрах России, в Вологде многие культурно-просветительские организации проводили публичные чтения, в частности Вологодский отдел императорского православного Палестинского общества; комитет попечительства о народной трезвости; общество «Помощь».

С помощью чтений Вологодское братство во имя Всемилостивого Спаса стремилось расширить свое влияние на население в губернском городе. Для организации и наблюдения за чтениями в начале 1905 г. братство организовало особую комиссию из своих членов. В нее вошли священники Вологды, выразившие желание читать лекции. Комиссия составляла программу чтений, помогала лекторам в поиске необходимых «световых картин», руководила ходом конкретных чтений. Выдающимся лектором был священник И. Белков, он ежегодно выступал с лекциями в братском доме и прочитал больше трети всех лекций в 1905–1906 гг. (11 из 28) [*Отчет Вологодского братства 1905–1906, 764*]. Кроме членов комиссии, в чтениях принимали участие преподаватели учебных заведений. В помощники нередко приглашали воспи-

танников духовной семинарии. Чтения проводили по вечерам в воскресные дни. В начале, в антракте и в конце звучали церковные песнопения, которые исполняли хоры Вологодской духовной семинарии, епархиального женского училища, Александринского детского приюта. Длительность мероприятий достигала двух часов [*ГА ВО. Д. 18143, 152 об.*].

Обычно на чтениях предлагали статьи, заимствованные из церковной периодики. Реже лекторы читали лекции «собственного сочинения». В среднем на одном чтении заслушивали до трех статей, одну из которых лекторы иллюстрировали «световыми картинами». Небольшую партию таких «картин» приобрели в собственность братства, часть из них получили в качестве пожертвований от разных лиц. Довольно часто братство арендовало картины у губернского комитета попечительства о народной трезвости, реже у вологодского отдела Императорского Палестинского общества. Скорее всего именно демонстрация картин привлекала значительное число посетителей (до 300 человек).

Благодаря субсидии комитета попечительства о народной трезвости, с 1906 г. удалось придать чтениям больший размах. Их стали проводить каждый праздничный или выходной день дважды. Постепенно зал для чтений был расширен, в результате он стал вмещать до 600 слушателей. Лекторам, певчим и «управляющему фонарем» было назначено небольшое вознаграждение. С этого времени чтения проводились не только в братском доме, но и в чайной уездного комитета попечительства о народной трезвости. С 1907 г. дневное чтение устраивали преимущественно для детей [*Отчет Вологодского братства 1907–1908, 277*]. В связи с тем, что председателем Комитета попечительства о народной трезвости был губернатор, он материально поддерживал братство, что свидетельствует о «сочувственном» отношении губернского начальства к деятельности Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса.

Как и вся деятельность братства, чтения находились под контролем епископа Вологодского и Тотемского, который ежемесячно утверждал ведомости с указанием лекторов и тематики лекций. Степень участия главы епархии в чтениях зависела от личности и желания епископа. Наиболее «ревностно» в жизни братства, в частности, в религиозных чтениях участвовал еп. Никон, возглавлявший епархию в 1906–1912 гг. Часто он сам выступал с «речами» или служил молебен перед началом чтений [*Отчет Вологодского братства 1906–1907*]. Братчики приглашали

к участию в чтениях и епархиального миссионера Н. Следникова (в монашестве о. Неофит).

Для привлечения слушателей на чтениях делали обзор современных событий. С началом Первой мировой войны все культурно-просветительные мероприятия проходили под патриотическими лозунгами. Об объективном освещении событий войны на чтениях братства Всемилостивого Спаса говорить не приходится, чаще всего они информировали о наиболее успешных военных операциях русской армии. В период военных действий переполненность зала для чтений не допускалась. Поэтому слушателям стали выдавать бесплатные билеты с указанием мест. Отныне братские помещения не могли вместить всех желающих. Несколько раз в год проводили чтения специально для раненых воинов, находившихся на излечении в местных лазаретах. 14 декабря 1914 г. братство устроило платный духовно-патриотический концерт в пользу открытия епархиального лазарета [*Отчет Вологодского братства 1914–1915, 333*].

В 1897 г. по инициативе совета братства Всемилостивого Спаса начались религиозно-нравственные чтения в г. Тотьма. В состав учредителей вошли священники, преподаватели духовно-учебных заведений и городских училищ. Заведующим и распорядителем чтений стал смотритель Тотемского духовного училища А. Соколов, а цензором — законоучитель семинарии, кандидат богословия М. Вознесенский [*Отчет Вологодского братства 1897–1898, 283*]. Первоначально слушателям предлагались выступления лишь религиозно-нравственного характера, но учредители ходатайствовали о расширении программы за счет включения статей исторического, этнографического и «бытового» плана.

Члены совета епархиального братства во имя Всемилостивого Спаса рекомендовали клирикам устраивать народные чтения и в сельской местности. Священник Троицко-Печорской церкви Усть-Сысольского уезда А. Сахаров еще в 1893 г. начал проводить религиозно-нравственные чтения, причем вел их исключительно на зырянском (коми) языке, для чего сам переводил выбранные статьи [*ВУЦА. Д. 17, Л. 189–191*]. Впоследствии по рекомендации совета Стефано-Прокопьевского братства часть переводов была издана. По отзывам современников, местные жители охотно собирались в церкви в воскресные и праздничные дни, едва услышав три удара колокола. Чтения проходили с октября по июнь, каждое длилось около двух часов. Для удобства слушателей Александр Сахаров распределял материал по степени сложности,

использовал «волшебный фонарь», т. е. проектор. Когда священник отсутствовал, материал читал псаломщик Трубачев, а иногда — грамотные крестьяне. За свою активную деятельность священник неоднократно получал благодарности от советов братств [*ГА ВО. Д. 16871, Л. 4*; *ВУЦА. Д. 17, Л. 192*].

В сельских приходах религиозно-нравственные чтения нередко заменяли внебогослужебные собеседования в случае отсутствия священника. Так, во время отъезда священника Спаса-Угольской церкви статьи читала учительница Л. Образцова, окончившая женскую гимназию. Поскольку в этом случае чтения нельзя было проводить в церкви, они проходили в здании церковно-приходской школы. Советы епархиальных братств настоятельно рекомендовали священникам допускать к участию в чтениях только политически благонадежных людей. Ответственность за лектора и материал чтений возлагалась на приходского священника [*Рапорт, 69*].

Религиозно-нравственные чтения и внебогослужебные собеседования, как формы просветительской деятельности дополняли друг друга. Прежде всего они были ориентированы на неграмотное население. Беседы успешно проводились с прихожанами, регулярно посещающими храм. На чтениях охватывался более широкий круг людей. Особенно ярко это подтверждают публичные чтения в Вологде. Практика показала, что беседы со священником, в силу ограниченности знаний одного человека, касались в основном религиозных или бытовых вопросов. В то время как лекторы рассказывали об истории государства, церкви и т. д., что способствовало расширению кругозора слушателей. Впрочем, в сельской местности четкого разграничения между собеседованиями и чтениями не было. Главным отличием народных чтений, если позволяли средства, была демонстрация картин с помощью проектора. Кроме того, чтения могли проводиться вне церкви. Однако разрешение священника для этого было обязательным, потому что «политическая благонадежность» лектора играла не последнюю роль. Несмотря на материальные трудности и затрату сил братство во имя Всемилостивого Спаса всячески поддерживало и по мере возможности расширяло подобные формы просветительской работы.

Направления работы братств, как упоминалось, во многом зависели от личности непосредственного руководителя общества, епископа Вологодского и Тотемского. С вступлением в 1906 г. на епископскую кафедру архиерея Никона, основателя и редактора

«Троицких листков», «Братского слова», бывшего председателя московского братства святого Петра, деятельность Вологодского епархиального братства приобрела более широкий размах. С октября 1906 г. совет приступил к изданию собственного журнала «Церковное слово». Он представлял собой брошюру в восемь-шестнадцать листов, которую печатали в типографии Троице-Сергиевой лавры. Журнал выходил еженедельно в качестве приложения к «Вологодским епархиальным ведомостям». Всего вышло более 150 номеров.

Совет братства так определял круг читателей:

> Для духовенства, для людей образованных есть «Церковные ведомости», «Церковный Голос». Для простых деревенских читателей мы желаем издавать «Церковное Слово» [*Отчет Вологодского братства 1906–1907, 210*].

Еженедельник рассылали сельским пастырям, ознакомившись с его содержанием, они предлагали его для чтения своим прихожанам.

Согласно программе издания, в «Церковном Слове» печатали статьи религиозно-нравственного содержания, сказания о подвижниках веры, поучительные рассказы из народного быта. Периодически появлялась рубрика «Вологодская летопись», в которой можно было найти сведения о святых, иконах, храмах Вологды, работе братства. Журнальный текст сопровождали черно-белые рисунки и иллюстрации.

Первоначально на издание «Церковного Слова» использовали субсидию Комитета попечительства о народной трезвости. Как приложение к «Вологодским епархиальным ведомостям» брошюра бесплатно рассылалась по церквям епархии с октября 1906 до августа 1909 г. Далее, в связи с финансовыми трудностями, до конца 1909 г. продолжалась рассылка журнала за небольшую плату. Но эта мера не могла окупить затрат на издание «Церковного Слова» и с 1910 г. братство отказалось от выпуска собственного журнала.

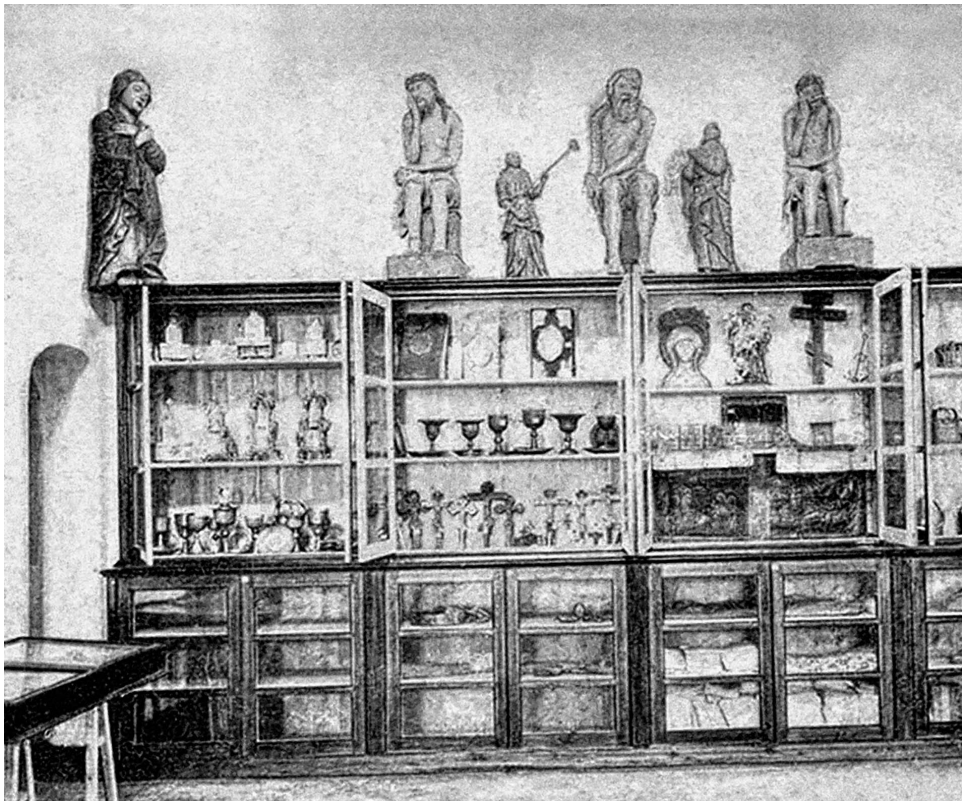
Поскольку отзывов на журнал «Церковное Слово» найти не удалось, сделать вывод о его читательской аудитории и влиянии на нее не представляется возможным. Если судить по тому, что даже по окончании выпуска томики «Церковного Слова» годами залеживались на иконном и книжном складе братства, содержание журнала не отвечало интересам населения. В приходские библиотеки от братства поступало много религиозно-нравственной

литературы, а публикации «Церковного Слова» мало отличались от имеющихся изданий, поэтому братский журнал не привлекал особого внимания. Редко встречающиеся на его страницах необычные материалы (например, по истории края) терялись в общем потоке статей. В итоге в 1912 г. бывший епископ Вологодский и Тотемский Никон выкупил оставшиеся на братском складе экземпляры «Церковного Слова» [*Отчет Вологодского братства 1912–1913, 385–386*].

Такая судьба была характерна для многих религиозных и миссионерских сочинений, не приносивших дохода. Так, крупнейшее противораскольническое братство святого митрополита Петра в Москве два раза принималось за издание собственного журнала. В 1875 г. оно начало издавать «Братское Слово», но уже через год отказалось от новых выпусков. В 1883 г. издание журнала возобновилось. Однако «Братское Слово» имело небольшой успех, поэтому к концу XIX в. журнал выходить окончательно перестал.

Несмотря не неудачу, совет Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса решил продолжить собственную издательскую деятельность. В 1912 г. он приступил к изданию «Сборника церковных песнопений» (для общенародного пения), составленного братской комиссией. Сборник отпечатали в количестве 10000 экземпляров, две трети которых разошлись в течение первых двух месяцев продажи. В последующие годы спрос на издание не ослабевал, но братство не имело возможности выпустить в свет дополненный и исправленный вариант сборника. «Сборник церковных песнопений» по сравнению с «Церковным Словом» отвечал интересам большинства священников. В связи с материальными трудностями, которые усугубила Первая мировая война, братство было вынуждено прекратить свою издательскую деятельность.

Еще одной интересной страницей в деятельности православных братств была организация музеев древности — древнехранилищ. Их можно отнести одновременно к просветительским, миссионерским и церковноустроительным учреждениям. Впервые мысль об устройстве древнехранилища в Вологде высказал в 1890 г. археолог, преподаватель семинарии, редактор «Вологодских епархиальных ведомостей» и член совета братства во имя Всемилостивого Спаса Н. И. Суворов. Он обратил внимание, что некоторые священники продают ценные рукописные книги XVI–XVII вв. Совет Вологодского епархиального братства поддержал идею выдающегося краеведа. Через «Вологодские епархиаль-



Вологодское епархиальное древнехранилище

ные ведомости» братство обратилось с просьбой к духовенству епархии о передаче местных раритетов для составления фонда епархиального древнехранилища. К обращению прилагался каталог древних предметов, которые представляли ценность для будущего музея.

В 1896 г. при Вологодском братстве во имя Всемилостивого Спаса было открыто епархиальное церковное древнехранилище. Для руководства музеем создали постоянную церковно-археологическую комиссию любителей истории и древностей. Ее возглавил И. Н. Суворов. Неутомимый исследователь родного края С. А. Непеин составил в 1900 г. «Путеводитель по Вологодскому епархиальному древнехранилищу», благодаря которому можно представить себе внешний и внутренний вид музея [*Непеин*].

С первых же дней существования музея-древнехранилища началась сложная, кропотливая работа по систематизации, научному определению и описанию поступивших предметов. При первоначальной классификации коллекции делили на две основные группы — вещественные и письменные памятники. Хронологию

при расстановке предметов не соблюдали. Научное описание велось не планомерно и в большей мере зависело от специализации сотрудников, приверженности их научных интересов к определенной области. Приоритет удерживали архивы древних бумаг и актов. И. Н. Суворов, Е. С. Бурцев, Ф. М. Малиновский в 1898–1915 гг. закаталогизировали свыше трех тысяч документов и издали 13 выпусков «Описания собрания свитков Вологодского древнехранилища» [*Кравцова*]. На издание своих трудов комиссия ежегодно получала субсидию 90–110 руб. от редакции «Вологодских епархиальных ведомостей». За 20 лет деятельности (1896–1916) члены церковно-археологической комиссии собрали в епархиальном древнехранилище из церковных подвалов, кладовых и колоколен богатейшую коллекцию рукописных и старопечатных книг, древних актов и документов.

Многие основные черты просветительской деятельности братства во имя Всемилостивого Спаса были характерны и для подобной работы Стефано-Прокопьевского епархиального братства. Однако, в отличие от совета первого, совет Стефано-Прокопьевского братства практически с самого начала (1896 г.) действовал на правах епархиального училищного совета, в центре его внимания и его уездных отделений находились вопросы деятельности церковно-приходских школ и школ грамоты. Причем уездные отделения (Устюгское, Никольское, Сольвычегодское, Яренское и Усть-Сысольское), несмотря на переименования, с 1886 г. решали проблемы церковных школ на подведомственной территории.

Стефано-Прокопьевское братство контролировало деятельность образовательных учреждений разных типов: школ грамоты, церковно-приходских и второклассных школ. Статус школ грамоты не был точно определен. Специальных программ для них не существовало, поэтому в них преподавали те же учебные предметы, что и в одноклассных церковно-приходских школах. Курс длился от нескольких месяцев до нескольких лет. Церковно-приходские школы подразделялись на два разряда: одноклассные (обучение — 2 года) и двухклассные (обучение — 4 года).

Ввиду необходимости расширения начальных школ совет Стефано-Прокопьевского братства поднимал вопрос о подготовке для них учителей «на местах», непосредственно в уездах Великоустюгского викариатства. С этой целью было решено открывать второклассные школы, курс обучения в которых составлял шесть лет. Их программа в первых двух классах соответствовала двухклассной школе «с добавлением» учительского курса, за время

которого учащиеся подробно проходили программу второго класса и под руководством учителя проводили занятия с учениками первого класса. Поэтому чаще всего во второклассные школы преобразовывали двухклассные, а иногда и одноклассные церковно-приходские школы. Примерно с 1905 г. второклассные школы викариатства перестали оправдывать свое существование. Это было связано прежде всего с отсутствием вакансий на учительские должности в церковных школах [*НА РК. Д. 120. Л. 30–31*; *Д. 280. Л. 10*; *Д. 298. Л. 40, 80–82*]. Для решения проблемы уездные отделения предлагали внедрить более широкое преподавание ремесел во второклассных школах. Подобные предложения поступали и относительно других типов школ. Расширяя ремесленные классы, Стефано-Прокопьевское братство следовало братской традиции — дать воспитанникам профессиональные навыки.

К задаче обучения детей тесно примыкали задачи просвещения всего населения. Различные деятели православной церкви — от св. прав. о. Иоанна Кронштадского и епархиального начальства до приходских священников в конце XIX в. выражали обеспокоенность снижением «культуры и нравственности в народе» [*Дорофеев, 83*].

С 1899 г. при Великоустюгском епархиальном братстве существовал центральный книжный склад, подобный книжному складу Вологодского епархиального братства. В отличие от последнего, Стефано-Прокопьевское братство закупало только книги. Просвещению взрослого населения способствовало учреждение бесплатных народных библиотек-читален, где были издания не только по христианскому вероучению, но и с практическими советами в области сельского хозяйства, ремесел, медицины, гигиены. В Великом Устюге при Красногорской Стефановской школе действовала библиотека для повышения уровня знаний учителей [*Отчет Стефано-Прокопьевского братства*].

В конце XIX в. в 77 приходах (25 %) Великоустюгского викариатства проживало коми население. В связи с этим одним из новых направлений работы братства стала книгоиздательская деятельность на зырянском языке. Указом Святейшего синода в 1898 г. Стефано-Прокопьевское братство получило разрешение на издание православно-вероучительных, церковно-исторических и религиозно-нравственных книг. Цензорами этих переводов стали члены братства, два священника: Деревянской Христорождественской церкви Д. Попов и Усть-Сысольского Троицкого

собора Е. Вишерский [*ВУЦА. Д. 79. Л. 14, 95, 154–155*]. Первыми напечатали переводы «Молитвослова» и «Троицких листков» №№ 400, 555. Их подготовили священники А. Сахаров и Н. Попов. Большинство переводов было отпечатано в типолитографии И. И. Соколова в Вологде. По просьбе Стефано-Прокопьевского братства, текст корректировал преподаватель Вологодской духовной семинарии И. А. Тюрнин. Переведенные брошюры и листки («Житие Стефана Пермского», «Житие Прокопия Праведного», «Троицкие листки» №№ 88, 103 и другие произведения) для распространения и продажи пересылали миссионерам Усть-Сысольского и Яренского уезда (см. табл. 2). Согласно документам, в 1905–1906 гг. народные чтения на коми языке при церковных школах Усть-Сысольского уезда были весьма распространены [*НА РК. Д. 298. Л. 42*]. В 1907–1908 гг. они регулярно проходили при 149 церковных школах Великоустюгского викариатства, представляя собой одну из форм проведения досуга для местного населения.

По примеру Вологодского епархиального братства, в 1909 г. при Великоустюгском братстве было учреждено древнехранилище. Это и неудивительно, ведь два ярких деятеля Стефано-Прокопьевского братства — З. Н. Поддьяков и В. П. Шляпин уже много лет были сотрудниками церковно-археологической комиссии при Вологодском древнехранилище. Заведование Великоустюгским церковным музеем поручили специальному комитету. Комитет постановил вести журналы заседаний, утвердил устав, согласно которому в древнехранилище поступали древние рукописи, старопечатные церковные книги, церковные и бытовые памятники, имеющие историческое значение, рисунки, фотографии и другие раритеты. Для осмотра музея назначили специальные дни и часы. Как и в братстве Всемилостивого Спаса, здесь вели активную работу по систематизации, научному определению и описанию предметов коллекции.

Нельзя не упомянуть о замечательном краеведе, члене Вологодской церковно-археологической комиссии, позже — члене комитета по заведованию Великоустюгским древнехранилищем — В. П. Шляпине. С момента основания Стефано-Прокопьевского братства Вениамин Петрович был членом Усть-Сысольского отделения совета, а в 1899 г. переехал в Великий Устюг. 30 лет В. П. Шляпин преподавал в Усть-Сысольском и Устюгском духовных училищах. Все эти годы он изучал историю края. Его статьи регулярно печатали газеты «Вологодские губернские ведомости»

Таблица 2. Список выявленных изданий православных братств Вологодской епархии за 1900–1912 гг. [6]

№	Годы издания	Название	Тираж, кол-во экз.	Примечания
Вологодское братство во имя Всемилостивого Спаса				
1.	1906–1909	журнал «Церковное Слово»	143 номера	Выходил в качестве приложения к «Вологодским епархиальным ведомостям»
2.	1912	«Сборник церковных песнопений для общенародного пения»	10 000	Составители: священники Н. Малиновский, И. Костров, Н. Попов, А. Сахаров
Великоустюгское Стефано-Прокопьевское братство				
1.	1899–1900	«Молитвослов»	1 200	На коми языке. Автор перевода А. Сахаров
2.	[1900]	«Троицкий Листок № 400»	600	На коми языке. Автор перевода Н. Попов
3.	[1900]	«Троицкий Листок № 555»	600	На коми языке. Автор перевода Н. Попов
4.	[1901–1903]	«Житие Святого Праведного Прокопия Устюгского чудотворца»	–	На русском и коми языках. В 1903 г. 300 экземпляров издания были получены Усть-Сысольским отделением братства
5.	[1901–1903]	«Житие Стефана Пермского»	–	На русском и коми языках
6.	1903	«Житие Праведного Прокопия, Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопьевского собора»	3 000	Автор книги В. П. Шляпин. Издание посвящалось 600-летию со дня кончины Прокопия Праведного
7.	[1903–1904]	«Троицкий Листок № 88. Беседа о сквернословии и матерном слове»	600	На коми языке. Автор перевода дьякон Усть-Немской Спасской церкви Усть-Сысольского уезда Я. Спасский
8.	[1903–1904]	«Троицкий Листок № 103»	600	На коми языке. Автор перевода дьякон Усть-Немской Спасской церкви Усть-Сысольского уезда Я. Спасский

6. Источники: Отчет о деятельности Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства за 1900–1901 гг. // ВЕВ. 1901. № 22. С. 358–363; Отчет о деятельности Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства за 1902–1903 гг. // ВЕВ. 1904. № 5. Прибавления. С. 63; Отчет о состоянии

и «Вологодские епархиальные ведомости». В 1912–1913 гг. увидел свет самый значительный труд В. П. Шляпина — двухтомник «Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря», который высоко оценил историк С. Ф. Платонов, назвав «любопытным и научно ценным» трудом [*Чебыкина, 23*].

К 1918 г. собрание Великоустюгского древнехранилища при Стефано-Прокопьевском братстве насчитывало 601 экспонат. В декабре 1918 г. председатель Комитета по заведованию древнехранилищем К. А. Богословский передал все коллекции в новый музей отдела культуры Северо-Двинского губисполкома и таким образом спас их от разграбления. Эти коллекции составили основу фондов одного из богатейших музеев севера России — Великоустюгского музея-заповедника [*Козлов, 241*].

Братства поддерживали церковно-приходские общества трезвости. Чрезмерное потребление спиртных напитков населением России становилось все более серьезной проблемой, особенно для северной деревни. Общества трезвости стремились ослабить «вредное влияние» пьянства. Их члены давали обещание вести трезвый образ жизни, всячески пытались воздействовать на народ, в том числе путем распространения религиозно-нравственных книг. Руководители некоторых таких обществ просили «покровительства» Стефано-Прокопьевского братства, присылали в совет братства для корректировки проекты своих уставов, в частности, Гривенско-Георгиевское общество трезвости Усть-Сысольского уезда, образованное в 1898 г., одно из старейших в уезде [*ВУЦА. Д. 83. Л. 46–47*]. Большинство подобных обществ возникли уже после 1907 г. Нужно отметить, что общества трезвости были созданы далеко не во всех приходах, они не получили значительной поддержки населения: многие не верили в возможность искоренения пьянства таким образом и не хотели подвергаться насмешкам.

Просветительской работой занимались также и приходские братства. Так, при Вологодском Благовещенском братстве с 1897 г. существовала одноклассная церковно-приходская школа. В ней обучали по преимуществу девочек, сначала ежегодно 25, а впослед-

и деятельности Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса за 1912–1913 гг. // ВЕВ. 1913. № 20. С. 371; Шляпин В. П. Житие Праведного Прокопия, Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопьевского собора. СПб.: Синод. тип., 1903. 198 с.; Дело о разрешении Совета братства издавать книги, брошюры религиозно-нравственного и исторического содержания на зырянском языке, тексты и замечания цензоров по переводу, 1898–1904 гг. // ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 79. Л. 59, 94–95, 107, 110.

ствии около 50 человек, разделенных на три отделения. Школа находилась в квартире председателя братства В. Сиземского, который был ее заведующим и выполнял функции законоучителя. В то время отсутствие собственного помещения для начальных церковных школ было обычным явлением. Впоследствии школа Благовещенского братства помещалась в пожертвованном братству доме. Первой учительницей в ней стала Юлия Владимировна Сиземская (в замужестве Болдина), дочь протоиерея и заведующего школой. За 19 лет школу окончили 145 учениц «с правом свидетельств» [*Отчет приходского братства 1915–1916, 407*].

Возглавляли церковно-приходские школы председатель Благовещенского приходского братства и руководитель Деревянского Христорождественского братства Усть-Сысольского уезда Д. П. Попов (он был заведующим местной сначала церковно-приходской, а затем второклассной школой). При устройстве второклассной школы в с. Деревянске Христорождественское братство предлагало безвозмездно предоставить под общежитие во временное пользование две свободные комнаты богадельни [*ВУЦА. Д. 19, 325*].

Кокшенгское Федосеевское братство Тотемского уезда вскоре после учреждения основало книжный и иконный склад и переименовало благочинную библиотеку в миссионерскую братскую. Братство старалось ежегодно пополнять библиотеку, большую часть книг приобретало у Вологодского Иоанно-Предтеченского приходского братства, книжная лавка которого была основана в 1906 г. и просуществовала 6 лет. К 1914 г. библиотека Кокшенгского братства насчитывала до 400 экземпляров книг и периодических изданий. Больше всего поступало журналов миссионерского направления.

За первое десятилетие Кокшенгскому Федосеевскому братству удалось наладить систему проведения по приходам округа публичных чтений со «световыми картинами». Для этих целей были приобрены два «волшебных фонаря», и священники поочередно пользовались «световыми картинами». В среднем на каждом чтении собиралось от 75 до 200 слушателей. По примеру других братств, после чтений им раздавали листки религиозно-нравственной тематики и брошюры.

К культурно-просветительской работе следует отнести проведение детских праздников Александро-Невским братством в Никольском духовном училище. Братчики старались ежегодно устраивать для учеников рождественскую елку и торжественно отмечать Пасху. Так, 1 декабря 1913 г. братство устроило вокаль-

но-музыкально-литературный вечер, на котором присутствовали члены братства с семьями, преподаватели городских учебных заведений и почетные граждане города [*Отчет о суммах 1913, 331*]. Не редкостью были в училище музыкальные концерты. С помощью этих мероприятий Александро-Невское братство старалось привлечь граждан к своей деятельности и оживить культурную жизнь уездного центра.

Таким образом, задачи по просвещению населения в той или иной степени решали все православные братства Вологодской епархии, что было созвучно подобной работе братских обществ других регионов. Прежде всего, это поддержка церковных школ, расширение сети школьных, церковных и миссионерских библиотек, проведение внебогослужебных собеседований и публичных чтений, распространение книжной продукции, деятельность древнехранилищ. Епархиальные братства в части просвещения полностью выполняли положения своих уставов. Приходские братства выбирали направления просветительской деятельности сообразно местным потребностям и материальным возможностям.

В миссионерской работе можно выделить два направления: укрепление авторитета православной церкви в народе и борьба с расколом и сектантством. Рассматривая первый аспект, следует подчеркнуть, что миссионерство было составляющим звеном всей просветительской работы братств. Церковно-приходские школы воспитывали детей в духе православной веры, большинство книжных лавок братств распространяли церковную литературу. Организованные при епархиальных братствах церковные музеи — древнехранилища способствовали сохранению памятников культуры. Сотрудники комитетов по заведыванию древнехранилищами занимались собиранием и описанием церковных памятников, стремились повысить интерес к знаниям, истории, культуре.

Много сил епархиальные братства уделяли и второму аспекту миссионерства — наставлению на «истинный путь» раскольников и «колеблющихся». Епархиальные братства — Всемилостивого Спаса и Стефано-Прокопьевское материально и посредством рекомендаций, снабжения литературой помогали епархиальной миссии. К 1915 г. Вологодская миссия, ориентированная на «борьбу» со старообрядчеством, состояла из трех епархиальных, двадцати трех окружных миссионеров и трех миссионеров-сотрудников. В местах проживания раскольников братства содействовали учреждению школ, церквей, противораскольнических библиотек. В данном случае, по объективным показателям, успе-

хи братств были незначительны. Количество людей, перешедших из раскола в официальную церковь, исчислялось единицами. В то же время собранный миссионерами материал по истории раскола составляет значительную часть источниковой базы изучения старообрядчества второй половины XIX — начала XX века.

В деятельности приходских братств епархии центральное место занимала благотворительность. Преимущественно в данной сфере действовали Иоанно-Предтеченское, Благовещенское, Деревянское братства и Александро-Невское братство при Никольском духовном училище. Необходимо подчеркнуть, что братства действовали гораздо шире, чем это предполагалась уставами. Они помогали как своим прихожанам, так и «иноприходным», в частности, денежными и вещественными пособиями, определением в больницы и благотворительные учреждения (приюты, богадельни). Но в этой деятельности православных братств в большинстве своем не было системности, в то же время порой присутствовал элемент случайности. Размеры пособий, безусловно, зависели от финансового состояния братств. Однако, данные недостатки вполне объяснимы, ведь они не ставили своей задачей борьбу с бедностью, а лишь стремились помочь людям в конкретной жизненной ситуации.

В работе православных братств, в том числе и в Вологодской епархии, проявились противоречия, заложенные еще во время обсуждения представителями власти и церкви вопроса о «возрождении» православных братств в начале 1860-х гг. С одной стороны, это проходило в рамках церковных преобразований и несло элемент демократичности. С другой стороны, было частью охранительной политики государства. Поэтому, несмотря на то, что православным братствам пореформенной России были присущи черты общественных организаций, в их управлении было заметно достаточно сильное государственное вмешательство. Братства Вологодской епархии конца XIX — начала XX в. действовали под строгим контролем правящих архиереев и губернаторов, на основании единого закона. Председатели и часть совета епархиальных братств назначались правящим архиереем. Для того чтобы добиться разрешения на открытие братства или изменение устава требовалось получить одобрение нескольких инстанций. Обязательным было предоставление ежегодных отчетов архиереям и губернаторам. Некоторые братства даже выполняли функции государственных учреждений. В частности, Стефано-Прокопьевское братство замещало епархиальный училищный

совет в викариатстве. Все эти обстоятельства дали право исследователям констатировать сильную «обюрокраченность» братств конца XIX — начала XX века.

Отмечая сложность и противоречивость существования братских организаций, без сомнения, нужно обозначить положительные моменты. Ядро братств составляли, как правило, энтузиасты, люди высокообразованные, лучших нравственных качеств, преданные православной церкви и Отечеству. Без их усилий деятельность братских организаций в таком масштабе была бы невозможна. Безусловно, религиозная составляющая была главной (но не единственной) в работе братств. Это подчеркивалось печатями братств с церковной символикой, обзорами их деятельности в рамках событий ведомства православного исповедания. Православные братства Вологодской епархии занимали прочное место среди культурно-просветительских и благотворительных организаций. Их деятельность способствовала повышению образовательного и культурного уровня населения, обратила общественное внимание на православную культуру и традиции православной церкви. Деятельность православных братств Вологодской епархии конца XIX — начала XX в. представляла собой опыт объединения части населения для решения проблем в сфере просвещения, благотворительности, жизни Русской православной церкви. Этот опыт полезен и должен быть учтен как действующими православными братствами, так и теоретиками и практиками развития гражданского общества в современной России.

Источники

1. *Вторая годовщина* = Вторая годовщина братства при Вологодской градской Иоанно-Предтеченской церкви и годичный отчет за время с первого мая 1895 года по май 1896 года // ВЕВ. 1896. № 13. Прибавления. С. 221–225.
2. *ВУЦА. Д. 1* = Устав, протоколы общих собраний, доклады и переписка об открытии и деятельности Великоустюгского православного Стефано-Прокопьевского братства, 1896 г. // ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–75.
3. *ВУЦА. Д. 11* = Книга для записи членов Великоустюгского Православного Стефано-Прокопьевского братства 1896–1901 гг. // ВУФ ГА ВО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–96.
4. *ВУЦА. Д. 17* = Доклады совету Братства о раскольнической деятельности в уездах Великоустюгского викариатства, назначении братских миссио-

неров и о снабжении противораскольнической литературой библиотек церквей // ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 17. Л. 189–193.

5. *ВУЦА. Д. 19* = Журналы совета братства за 1897 г. // ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–837.
6. *ВУЦА. Д. 79* = Дело о разрешении Совета братства издавать книги, брошюры религиозно-нравственного и исторического содержания на зырянском языке, тексты и замечания цензоров по переводу, 1898–1904 гг. // ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 79. Л. 14–155.
7. *ВУЦА. Д. 83* = Переписка с уездными отделениями совета братства, священниками и миссионерами о комплектовании библиотек церковно-приходских школ, открытии общества трезвости в приходе Гривенской Георгиевской церкви Усть-Сысольского уезда, 1898 г. // ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 83. Л. 22–52.
8. *ГА ВО. Д. 3861* = Годовые отчеты богаделен, обществ помощи нуждающимся ученикам, благотворительных обществ и другие за 1903 год // ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3861. Л. 140–146.
9. *ГА ВО. Д. 18143* = Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1904 г. // ГА ВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18143. Л. 150–152.
10. *ГА ВО. Д. 16871* = По рапорту священника А. Сахарова, 1896 г. // ГА ВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16871. Л. 1–4.
11. *Журнал* = Журнал заседания совета Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса, 2 августа 1896 года // ВЕВ. 1896. № 18. С. 284–286.
12. *Журнал съезда депутатов* = Журнал съезда депутатов пяти юго-западных уездов Вологодской епархии от 20–28 января 1914 года : Журнал № 8 // ВЕВ. 1914. № 6. С. 118–119.
13. *Из Грязовца* = Из Грязовца // ВЕВ. 1916. № 14. Прибавления. С. 265–266.
14. *НА РК. Д. 120* = Циркуляры Совета Стефано-Прокопьевского братства за 1897 г. // НА РК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–32.
15. *НА РК. Д. 280* = Усть-Сысольское отделение Совета Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства за 1905 г. // НА РК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 280. Наряд № 2. Л. 6–76.
16. *НА РК. Д. 298* = Усть-Сысольское уездное отделение Совета Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства : Журналы, 1906 г. // НА РК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 298. Л. 1–83.
17. *Общее собрание* = Общее 18-е собрание Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса // ВЕВ. 1903. № 12. С. 195–196.
18. *О правилах* = О правилах для учреждения православных церковных братств : [8 мая 1864 года] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39 (1864). Часть 1. № 40863.

19. *Открытие* = Открытие Кокшенгского Федосеевского православного миссионерского братства : 27 сентября 1904 г. // ВЕВ. 1904. № 22. Прибавления. С. 592-–594.
20. *Отчет Вологодского братства 1897–1898* = Отчет о состоянии и деятельности братства во имя Всемилостивого Спаса за 1897–1898 гг. // ВЕВ. 1898. № 12. Прибавления. С. 283–284.
21. *Отчет Вологодского братства 1900–1901* = Отчет о состоянии и деятельности Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса за 1900–1901 гг. // ВЕВ. 1901. № 14. Прибавления. С. 361–363.
22. *Отчет Вологодского братства 1903–1904* = Отчет о состоянии и деятельности Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса за 1903–1904 гг. // ВЕВ. 1904. № 15. Прибавления. С. 398–399.
23. *Отчет Вологодского братства 1905–1906* = Отчет о состоянии и деятельности братства во имя Всемилостивого Спаса за 1905–1906 гг. // ВЕВ. 1906. № 20. Прибавления. С. 762–765.
24. *Отчет Вологодского братства 1906–1907* = Отчет о состоянии Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса за 1906–1907 гг. // ВЕВ. 1908. № 6. Прибавления. С. 140–143.
25. *Отчет Вологодского братства 1907–1908* = Отчет о состоянии и деятельности братства во имя Всемилостивого Спаса за 1907–1908 гг. // ВЕВ. 1909. № 12. Прибавления. С. 274–279.
26. *Отчет Вологодского братства 1909–1910* = Отчет о состоянии и деятельности братства во имя Всемилостивого Спаса за 1909–1910 гг. // ВЕВ. 1912. № 3. Прибавления. С. 59–60.
27. *Отчет Вологодского братства 1912–1913* = Отчет о состоянии и деятельности братства во имя Всемилостивого Спаса за 1912–1913 гг. // ВЕВ. 1913. № 21. С. 385–386.
28. *Отчет Вологодского братства 1914–1915* = Отчет о состоянии и деятельности братства во имя Всемилостивого Спаса за 1914–1915 гг. // ВЕВ. 1915. № 17. Прибавления. С. 330–335.
29. *Отчет Иоанно-Предтеченского братства* = Отчет Иоанно-Предтеченского приходского братства с 1 января 1912 по 1 января 1913 года // ВЕВ. 1913. № 14. Прибавления. С. 392–394.
30. *Отчет Кокшенгского братства 1907–1908* = Отчет Кокшенгского Федосеевского православного миссионерского братства за 4-й год существования : 1907–1908 // ВЕВ. 1909. № 22. Прибавления. С. 543–545.
31. *Отчет Кокшенгского братства 1913–1914* = Отчет Кокшенгского Федосеевского православного миссионерского братства за 1913–1914 // ВЕВ. 1915. № 9. Прибавления. С. 234–235.
32. *Отчет* = Отчет о деятельности братства прихожан с 12 апреля 1909 по 1 апреля 1910 года // ВЕВ. 1910. № 7. Прибавления. С. 113–115.

33. *Отчет о суммах 1908* = Отчет о суммах и деятельности Александро-Невского братства за 1908 г. // ВЕВ. 1909. № 9. Прибавления. С. 184–186.
34. *Отчет о суммах 1913* = Отчет о суммах и деятельности Александро-Невского братства за 1913 год // ВЕВ. 1914. № 14. Прибавления. С. 329–331.
35. *Отчет о суммах 1914* = Отчет о суммах и деятельности Александро-Невского братства за 1914 год // ВЕВ. 1915. № 13. Прибавления. С. 334–336.
36. *Отчет приходского братства 1905–1906* = Отчет братства при Благовещенской церкви за десятый год существования с 8 сентября 1905 года по 8 сентября 1906 года // ВЕВ. 1906. № 17. Прибавления. С. 781–782.
37. *Отчет приходского братства 1914–1915* = Отчет Благовещенского братства за 1914–1915 гг. // ВЕВ. 1915. № 19. Прибавления. С. 514–516.
38. *Отчет приходского братства 1915–1916* = Отчет православного приходского братства при Благовещенской церкви г. Вологды с 8 сентября 1915 г. по 8 сентября 1916 г. // ВЕВ. 1916. № 21. Прибавления. С. 407–408.
39. *Отчет совета* = Отчет совета Вологодского православного братства во имя Всемилостивого Спаса за 1890–1891 гг. // ВЕВ. 1891. № 12. Прибавления. С. 184–188.
40. *Отчет Стефано-Прокопьевского братства* = Отчет о деятельности Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства за 1899–1900 гг. // ВЕВ. 1900. № 19. Прибавления. С. 27–29.
41. *Отчет Стефано-Прокопьевского братства 1902–1903* = Отчет Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства за 1902–1903 гг. // ВЕВ. 1904. № 5. Прибавления. С. 49–64.
42. *Памяти* = Памяти высокопреосвященного митрополита Палладия // ВЕВ. 1899. № 3. Прибавления. С. 54.
43. *Рапорт* = Рапорт священника Спасской церкви Грязовецкого уезда // ВЕВ. 1910. № 3. С. 69.
44. *Семилетие* = Семилетие братства при Вологодской градской Иоанно-Предтеченской Рощенской церкви и отчет о деятельности сего братства за время с 1 мая 1900 г. по май 1901 г. // ВЕВ. 1901. № 13. Прибавления. С. 343–345.
45. *Устав Благовещенского братства* = Устав православного приходского братства Благовещенской церкви г. Вологды // ВЕВ. 1896. № 21. Прибавления. С. 366–369.
46. *Устав Вологодского братства 1896* = Устав Вологодского православного церковного братства во имя Всемилостивого Спаса // ВЕВ. 1896. № 7–8. С. 103–112.

Литература

1. *Дорофеев* = Дорофеев Ф. А. Эволюция православных братств Руси/России : Опыт конкретно-исторического исследования : Дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Нижний Новгород, 1998. 193 с.
2. *Козлов* = Козлов К. О. Судьба протоиерея Константина Богословского : К 90-летию создания церковного древнехранилища в Великом Устюге // Великий Устюг : краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда : Легия, 2000. С. 236–243.
3. *Кравцова* = Кравцова Е. М. Становление и развитие музеев Европейского Севера : Вторая половина XIX — 20-е гг. XX вв. : Дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Сыктывкар, 1996. 222 с.
4. *Непеин* = Непеин С. Путеводитель по Вологодскому епархиальному древнехранилищу. Вологда : Тип. К. А. Баранеева, 1900. 24 с.
5. *Носова* = Носова Т. А. Православные братства Вологодской епархии в конце XIX — начале XX века : Дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Сыктывкар, 2006. 205 с.
6. *Словарь* = Народные чтения // Словарь Ефрона и Брокгауза. СПб., 1897. С. 595.
7. *Чебыкина* = Чебыкина Г. Н. В. П. Шляпин: историк и краевед // Бысть на Устюзе… : Историко-краеведческий сборник. Вологда : ЛиС, 1993. С. 21–31.

Список сокращений

ВЕВ	Вологодские епархиальные ведомости
ВУЦА	Великоустюгский центральный архив
ГА ВО	Государственный архив Вологодской области
НА РК	Национальный архив Республики Коми

T. A. Nosova

The Orthodox Brotherhoods' Activities in the Vologda Diocese in the Late XIX — Early XX Century

The article analyses the Orthodox brotherhoods' activities in the Vologda diocese in the late XIX — early XX century. The author suggests their classification through identifying diocesan, parish brotherhoods and those under theological schools. The brotherhoods' composition, management body and financial resources are described as well as the four main areas of their activities: religious and educational work, mission, charity, and church life arrangement. When assessing the brotherhoods'activities, the author points out their strong dependence on the state authorities and the lack of freedom. However, it has to be admitted that the brotherhoods contributed to the study of the Old Belief, to the development of the Orthodox culture, education and charity in the diocese.

KEYWORDS: Orthodox brotherhoods, Vologda diocese, parish brotherhoods, diocesan brotherhoods, religious organisations, missionary work, church charity.